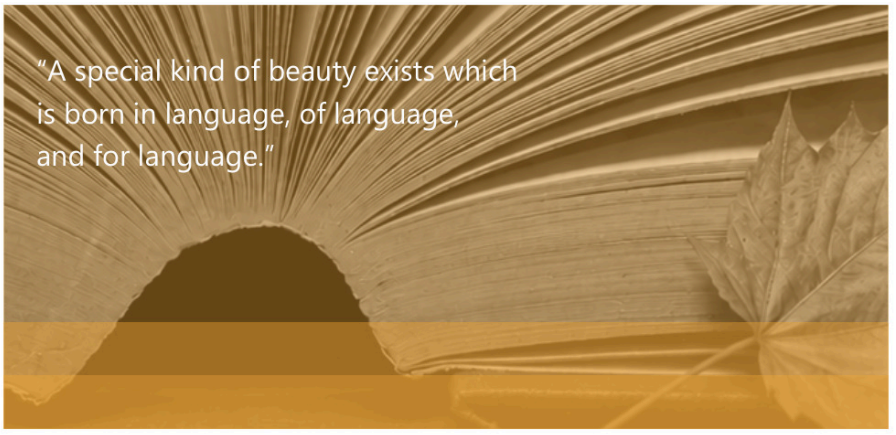
VOLUME 10, OCTOBER 2026
ISSN: 3060-4958

The Lingua Spectrum

UZBEKISTAN STATE WORLD
LANGUAGES UNIVERSITY

MORE INFO:

www.lingvospektr.uz

t.me/thelinguaspectrum

Nazarova N.B.	The Literary Representation of Women's Accomplishments and Charm in Jane Austen's Novels	319
Karimova S.S.	Connotative meaning and pragmatic interpretation in literary texts	325
Radjabova G.G.	Corpus evidence and the limits of intuition in the study of collocation	331
Adinaev O.J.	Onomastic, lexico-semantic and linguocultural foundations for the study of celestial body names	339
Muxitdinova X.S.	Sociocultural and diachronic characteristics of personal names in the Uzbek language	349
Amanov V.B.	Universal values as an object of linguocultural research in Spanish and Uzbek	358
PEDAGOGY		**378**
Kambarova D.I.	The methodology of developing oral speech competence of future foreign language teachers in a digital educational environment	379
Allayarov T.Ya.	Developing communicative competence of public health college students using the standardized patient method	389
Silanteva E.F.	Preliminary training for ESP teachers for effective integrated teaching	396
Omonova E.B., Musoyeva A.B.	Digital revision portfolios for developing English writing skills in Uzbek secondary schools	411
Paluanova Kh.D.	The relationship between pragmalinguistic analysis and linguodidactic design in preservice English teacher education	419
Adamboyeva N.Q.	Age-related development of phonological skills in children aged 7–10 and their role in reading competence	427
Alimardonov L.A.	Theoretical foundations and conceptual model of spiritual technologies in ensuring the information security of young people	435
Pazilova N.M., Abdulhakimova R.A.	Didactic potential and limitations of generative artificial intelligence in teaching Russian	443
Kadirova N.M., Tahirova Sh.Sh.	Stages of working with texts in Russian language classes at higher education institutions	450
Pulatova F.U.	Pragmadidactic features of teaching implicature and indirect speech acts in English language education	456
Sulaymonova M.A.	AI-Assisted Feedback in EFL Writing: Implications for Writing Accuracy and Learner Autonomy	464
Khodjieva Z.M.	Theoretical and Methodological Foundations and Practical Stages of Criterion-Referenced Assessment in Foreign Language Teaching at Higher Education Institutions	489
Musayeva F.M.	The role of specialized vocabulary in developing the lexical competence of oil and gas students	498

The Lingua Spectrum
Cogito, ergo sum

Jurnal Oliy Attestatsiya Komissiyasi tomonidan 2025-yil 4-yanvar kuni 366/5-sonli qaror bilan tavsiya etilgan milliy ilmiy nashrlar ro'yxatiga kiritilgan

Universal values as an object of linguocultural research in Spanish and Uzbek

Amanov Vakhobjon Boltaboevich
vakhob_1001@mail.ru
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *Universal human values form the core of the linguistic worldview, yet their linguocultural status in Spanish-Uzbek comparison has been described partially, mostly on psycholinguistic data. The study is novel in examining the value vocabulary of two unrelated languages along thematic and etymological dimensions. It substantiates universal values as an object of linguocultural analysis and proposes a comparative procedure. The material comprises 64 lexemes, 32 per language, selected from explanatory dictionaries; componential, etymological and quantitative analyses were combined with secondary treatment of published associative data. The thematic distribution does not differ statistically across languages (chi-square 0.66; p = 0.88). Etymological stratification diverges sharply: 75 percent of Uzbek units derive from Arabic and Persian stems, while 93.8 percent of Spanish units have Latin stems (p < 0.001). Rankings of six values in associative data agree moderately (ρ = 0.71). The model applies to contrastive linguistics, translation and teaching Spanish to Uzbek students.*

Keywords *Universal values, linguoculturology, axiological worldview, value vocabulary, etymological stratification, Spanish, Uzbek, contrastive analysis*

Ispan va Özbek tillarida umuminsoniy qadriyatlar lingvomadaniy tadqiqot obyekti sifatida

Amanov Vahobjon Boltaboyevich
vakhob_1001@mail.ru
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Umuminsoniy qadriyatlar lisoniy olam manzarasining özagini taşkil etadi, biroq ispan va özbek tillari qiyosida ularning lingvomadaniy maqomi hozirgaça qisman va asosan psixolingvistik material asosida örganilgan. Tadqiqotning yangiligi şundaki, ikki qarindoş bölmagan tilning qadriyat leksikasi ilk bor bir vaqtda tematik va etimologik jihatdan körib çiqiladi. Maqsad umuminsoniy qadriyatlarni lingvomadaniy tahlil obyekti sifatida asoslaş va ularni qiyosiy tavsiflaş tartibini işlab çiqişdan iborat. Material sifatida izohli luğatlardan tanlangan 64 leksema, har bir tilda 32 tadan, olindi. Komponent, etimologik va miqdoriy tahlil usullari, şuningdek, e'lon qilingan assotsiativ ma'lumotlarni qayta işlaş qöllanildi. Leksemalarning tematik taqsimoti ikki tilda statistik jihatdan farq qilmaydi (xi-kvadrat 0,66; p = 0,88). Etimologik qatlamlar esa keskin farqlanadi: özbekça birliklarning 75 foizi arab va fors özaklariga borib taqaladi, ispança birliklarning 93,8 foizi esa lotin asosiga ega (p < 0,001). Olti qadriyatning assotsiativ ma'lumotlardagi örinlari örtaça muvofiq (ρ = 0,71). Taklif etilgan model qiyosiy tilşunoslik, tarjima va ispan tilini öqitişda keng qöllanilişi mumkin.*

Kalit so'zlar *Umuminsoniy qadriyatlar, lingvokulturologiya, qadriyatlar manzarasi, qadriyat leksikasi, etimologik qatlamlar, ispan tili, özbek tili, qiyosiy tahlil*

Общечеловеческие ценности как объект лингвокультурологического исследования в испанском и узбекском языках

Аманов Вахобжон Болтабоевич
vakhob_1001@mail.ru
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Общечеловеческие ценности составляют ядро языковой картины мира, однако в испано-узбекском сопоставлении их лингвокультурологический статус описан лишь фрагментарно и преимущественно на психолингвистическом материале. Новизна работы состоит в том, что ценностная лексика двух неродственных языков впервые рассматривается одновременно в тематическом и этимологическом измерениях. Цель исследования заключается в обосновании общечеловеческих ценностей как объекта лингвокультурологического анализа и в разработке процедуры их сопоставительного описания. Материалом послужили 64 лексемы (по 32 в каждом языке), отобранные по толковым словарям; применялись компонентный, этимологический и количественный анализ, а также вторичная обработка опубликованных ассоциативных данных. Тематическое распределение лексем в двух языках статистически не различается (хи-квадрат равен 0,66; p = 0,88). Этимологическая стратификация расходится резко: 75 % узбекских единиц восходят к арабским и персидским основам, тогда как 93,8 % испанских имеют латинскую основу (p < 0,001). Ранги шести ценностей в ассоциативных данных умеренно согласованы (ρ = 0,71). Предложенная модель применима в сопоставительной лингвистике, переводческой практике и преподавании испанского языка узбекоязычным студентам.*

Ключевые слова *Общечеловеческие ценности, лингвокультурология, ценностная картина мира, ценностная лексика, этимологическая стратификация, испанский язык, узбекский язык, сопоставительный анализ*

Введение

Разговор о ценностях в языкознании долгое время оставался на периферии: ценность считалась предметом философии, социологии и психологии, а лингвист ограничивался описанием оценочных значений. Положение изменилось, когда антропоцентрическая парадигма поставила в центр исследования человека говорящего, а вместе с ним и систему его ориентиров. В.И. Карасик предложил выделять в составе языковой картины мира особый пласт, ценностную картину мира, и рассматривать её как совокупность закреплённых в языке представлений о должном и желательном (Карасик, 2002). Позднее тот же автор

перенёс внимание с отдельных концептов на аксиогенные ситуации, то есть типовые сюжеты, в которых сталкиваются моральные и утилитарные ориентиры и которые закрепляются в паремиях, притчах и анекдотах (Карасик, 2015). За два последних десятилетия лингвоаксиология оформилась в самостоятельное направление со своим метаязыком; О.В. Ломакина, анализируя его на паремиологическом материале, разграничивает ценностные константы и ценностные переменные и вводит понятие поликультурного лингвоаксиологического маркера (Ломакина, 2025).

Актуальность сопоставления испанской и узбекской лингвокультур определяется двумя обстоятельствами. Первое носит практический характер: испанский язык прочно вошёл в систему высшего образования Узбекистана, расширяются гуманитарные и деловые контакты с испаноязычным миром, и преподаватель, переводчик, журналист ежедневно сталкиваются с тем, что формально эквивалентные слова вроде *respeto* и *hurmat* несут разную культурную нагрузку. Второе обстоятельство теоретическое. Испанский и узбекский языки генетически не связаны, однако обе культуры в разные эпохи испытали влияние арабо-мусульманской цивилизации, и обе сформировали развитую лексику чести, родства и гостеприимства. Такая пара позволяет проверить, где проходит граница между универсальным и национальным в ценностной лексике.

Обзор работ предшественников удобно начать с зарубежной традиции. А. Вежбицкая показала, что в каждом языке существуют ключевые слова, концентрирующие базовые ценности культуры, и что сопоставление таких слов при помощи естественного семантического метаязыка позволяет объяснить одну культуру носителям другой (Wierzbicka, 1997). Т.П. Кшешовский ввёл в семантику аксиологический параметр, предположив, что оппозиция «хорошее и плохое» пронизывает лексическую систему и определяет направление метафорических переносов (Krzeszowski, 1997). Е. Бартминьский в рамках когнитивной этнолингвистики назвал ценности фундаментом языковой картины мира (Bartmiński, 2009). Ф. Шарифиан разработал теоретическую и аналитическую рамку культурной лингвистики, в которой культурные схемы, категории и метафоры понимаются как распределённое знание сообщества, а не как принадлежность отдельного говорящего (Sharifian, 2011; 2017).

Психология ценностей дала лингвистике инструменты измерения. М. Рокич исходил из того, что число ценностей невелико, что ими обладают все люди, различаясь лишь степенью их значимости, и что ценности образуют систему (Rokeach, 1973). Ш. Шварц, опираясь на данные двадцати стран, описал десять базовых мотивационных типов ценностей, упорядоченных по кругу совместимости и конфликта (Schwartz, 1992; 2012). Уточнённая версия теории, выдержавшая проверку на пятнадцати выборках из десяти стран общим объёмом 6059 человек, различает уже девятнадцать ценностей на том же мотивационном континууме (Schwartz et al., 2012). Г. Хофстеде предложил параметры национальных культур, из которых для нашей темы наиболее важны индивидуализм и коллективизм и дистанция власти (Hofstede, 2011).

В русскоязычной лингвокультурологии ценностная проблематика разрабатывалась в рамках учения о концепте и лингвокультуреме. В.В. Воробьёв предложил лингвокультурему как единицу, соединяющую языковое значение и внеязыковой культурный смысл (Воробьёв, 1997). Ю.С. Степанов описал константы русской культуры, сосредоточив внимание на тех понятиях, которые сохраняют ценностную значимость на протяжении

столетий (Степанов, 1997). Н.Д. Арутюнова исследовала оценку и этические понятия как часть логического анализа языка (Арутюнова, 1998). В.Н. Телия выявила культурную коннотацию фразеологизмов и показала, что ценностная интерпретация образа входит в их значение (Телия, 1996). В.А. Маслова трактует культуру как систему ценностей, а лингвокультурологию как науку о том, как эти ценности воплощаются в языке (Маслова, 2001). Новейшие психолингвистические работы описывают ценностное пространство как «мягкую иерархию», в ядре которой имена ценностей связаны парами, а на периферии такие связи ослабевают (Казаченко, 2024).

Испанистика в русскоязычной традиции также накопила аксиологический материал. Н.Г. Мед описала оценочную картину мира в испанской разговорной лексике и фразеологии и обосновала понятие аксиологического культуроцентризма (Мед, 2007). А.А. Гайченя сопоставила концепт «семья» в русской и испанской языковых картинах мира (Гайченя, 2018). Для истории испанского понятия чести важна работа К. Майсы Оскойди, где прослежено колебание между *honor* как внутренним чувством и *honra* как его социальным проявлением (Maiza Ozcoidi, 1995); социально-антропологическое основание этой оппозиции заложил Дж. Питт-Риверс, отделивший честь как чувство и норму поведения от чести как признанного обществом статуса (Pitt-Rivers, 1966).

Узбекская лингвокультурология сформировалась в последние полтора десятилетия. Н. Махмудов связал проблему освоения заимствованных слов с языковой картиной мира (Mahmudov, 2015), Ш. Усманова систематизировала понятийный аппарат лингвокультурологии в учебном издании (Usmanova, 2022), а методологические основы сопоставительного описания языков разработаны в трудах ташкентской школы, прежде всего у У.К. Юсупова (2007). Непосредственно испано-узбекскому материалу посвящено несколько работ. В.Б. Аманов провёл ассоциативный эксперимент с испанскими и узбекскими респондентами, выявив общие высшие ценности и национально специфические ассоциаты (Аманов, 2021). Д. С. Кулмаматов и М.Р. Саидходжаева сравнили термины кровного родства в узбекском, русском и испанском языках и показали, что при сходстве значений они различаются способом образования (Qulmamatov, Saidxodjayeva, 2024). Д. Бахронова рассмотрела арабизмы, вошедшие в оба языка (Baxronova, 2023). М. Туйчиева сопоставила выражение концепта «родина» в испанских и узбекских афоризмах и пословицах (Tuychieva, 2024).

Если обобщить исследования последнего десятилетия, можно выделить несколько тенденций. Во-первых, лингвоаксиология перешла от описания отдельных концептов к рефлексии над собственным метаязыком и над типологией ценностей (Карасик 2015; Ломакина, 2025). Во-вторых, усилилась роль экспериментальных данных: свободный ассоциативный эксперимент используется как способ проверить, насколько словарная картина совпадает с живым языковым сознанием (Аманов, 2021; Казаченко, 2024). В-третьих, культурная лингвистика предложила аналитический аппарат, позволяющий сопоставлять культуры без опоры на категории одной из них (Sharifian, 2017). В-четвёртых, в узбекской филологии быстро растёт число сопоставительных работ, однако подавляющее большинство из них построено на паре «узбекский и английский», тогда как испанский язык привлекается редко и, как правило, в работах выпускников и преподавателей Узбекского государственного университета мировых языков (Аманов, 2021; Baxronova, 2023; Qulmamatov, Saidxodjayeva, 2024). Наконец, в испанской и русской испанистике

аксиологическая проблематика разрабатывается преимущественно на фразеологическом материале (Мед, 2007; Гайченя, 2018), а лексика ценностей как особый словарный пласт систематически не описывалась.

Обзор позволяет выявить и спорные моменты. Психологические модели исходят из универсальности набора ценностей и объясняют межкультурные различия только их иерархией (Rokeach, 1973; Schwartz, 1992). Лингвокультурологи, напротив, нередко настаивают на уникальности ключевых слов и на том, что за переводными эквивалентами стоят разные понятия (Wierzbicka, 1997). Традиционный вывод сопоставительных работ, согласно которому «ценности общие, а способы их выражения различны», верен в целом, но малоинформативен: он не говорит, на каком уровне языковой системы проходит граница между общим и специфическим. Кроме того, испано-узбекские исследования опираются либо на психолингвистический эксперимент, либо на иллюстративную подборку паремий; системного описания ценностной лексики как словарного пласта с количественными показателями пока нет, а материал некоторых работ не сопровождается указанием источников, что затрудняет его проверку.

Объектом настоящего исследования являются общечеловеческие ценности в их языковом выражении, предметом служат тематическая организация и этимологическая стратификация ценностной лексики испанского и узбекского языков. Цель работы состоит в том, чтобы обосновать общечеловеческие ценности как объект лингвокультурологического исследования на испано-узбекском материале и предложить воспроизводимую процедуру их сопоставительного описания. Для достижения цели решались следующие задачи: уточнить понятийный аппарат исследования; сформировать сопоставимые выборки ценностной лексики; описать их тематическое распределение и этимологические пласты; сопоставить полученные данные с опубликованными результатами ассоциативного эксперимента; интерпретировать совпадения и расхождения в лингвокультурологическом ключе. Материалом исследования послужили 64 ценностные лексемы (по 32 в каждом языке), извлечённые из академического толкового словаря испанского языка и пятитомного толкового словаря узбекского языка, этимологические сведения о них, опубликованные результаты ассоциативного эксперимента с испанскими и узбекскими респондентами, а также иллюстративный корпус общеизвестных паремий. Критерии отбора и процедуры анализа описаны в разделе, посвящённом материалу и методологии.

Теоретическая часть

Понятие ценности пришло в лингвистику из философии, где оно противопоставлялось факту: факт существует, ценность значима. Для языковеда это противопоставление важно в одном отношении. Ценность не наблюдается непосредственно, она реконструируется по языковым следам: по дефинициям толковых словарей, по устойчивой сочетаемости, по пословицам и афоризмам, по реакциям носителей языка в эксперименте. Именно поэтому общечеловеческие ценности могут стать объектом лингвокультурологии только при условии, что исследователь заранее определит, какие языковые факты он принимает за свидетельства ценности.

Первое разграничение касается ценности и оценки. Оценка представляет собой языковую операцию, приписывающую объекту положительный или отрицательный признак относительно некоторой нормы; ценность выступает самой нормой, тем основанием, относительно которого оценка производится (Арутюнова, 1998). Лексема

honra обозначает ценность, а прилагательное *honrado* характеризует человека, соответствующего этой ценности. Различие кажется тривиальным, однако при сопоставлении языков оно имеет методологические последствия: в узбекском языке значительная часть ценностных понятий выражена парными словами (*or-nomus*, *mehr-oqibat*, *insof-diyonat*), и их оценочный потенциал реализуется иначе, чем у одиночных испанских существительных.

Второе разграничение связано с уровнями ценностей. Принято выделять общечеловеческие, этнические (национальные), групповые и индивидуальные ценности (Карасик, 2002). Общечеловеческими называют ориентиры, признаваемые в большинстве культур: добро, справедливость, жизнь, свобода, мир, семья, дружба. Однако признание ценности ещё не означает одинакового её понимания. В.Б. Аманов, суммируя положения М. Рокича, подчёркивает, что все люди обладают одними и теми же ценностями, но степень их проявления различна (Аманов, 2021; 99). Для лингвиста отсюда следует рабочая гипотеза: общечеловеческое должно обнаруживаться в составе и структуре ценностного пространства, а национальное в способах номинации, во внутренней форме слов, в их происхождении и культурной коннотации.

Третье разграничение касается единиц анализа. Концепт в понимании Ю.С. Степанова представляет собой ментальное образование, в котором сгущена культура (Степанов, 1997). Лингвокультурема у В.В. Воробьёва есть двусторонняя единица, где языковое значение соединено с культурным смыслом (Воробьёв, 1997). Ключевое слово у А. Вежбицкой выделяется по частотности, по включённости в устойчивые выражения и по способности организовывать целые семантические поля (Wierzbicka, 1997). Каждая из этих единиц удобна для своих задач, но для количественного сопоставления двух языков нужна единица, допускающая подсчёт. Такой единицей в нашей работе служит ценностная лексема, то есть слово, словарная дефиниция которого включает положительно оцениваемый ориентир поведения или состояния. Лексема не исчерпывает концепт, однако совокупность ценностных лексем образует наблюдаемую часть ценностной картины мира и позволяет описать её структуру.

Четвёртое положение относится к тому, что в культурной лингвистике называют распределённым знанием. Ф. Шарифиан показывает, что культурные концептуализации не принадлежат целиком ни одному носителю, а распределены по сообществу и исторически наслаиваются (Sharifian, 2017). Это положение прямо касается этимологии. Слово, заимствованное вместе с религиозной или правовой системой, приносит с собой фрагмент чужой концептуализации, который затем осваивается и перерабатывается. Н. Махмудов рассматривает освоение заимствований именно в связи с языковой картиной мира (Mahmudov, 2015). Следовательно, этимологический пласт ценностной лексики может служить индикатором того, через какие исторические каналы культура получала свои ценностные понятия.

Пятое положение касается отношения между психологическими и лингвистическими моделями. Круговая модель Ш. Шварца (1992; 2012) и параметры Г. Хофстеде (2011) описывают мотивационную структуру и социальные установки, но не язык. Их полезно привлекать как внешнюю систему координат, позволяющую проверить, не является ли обнаруженное лингвистом различие проекцией социальной разницы культур. Например, высокая значимость отношений старшинства в узбекском обществе может отразиться в том, что

лексема уважения обладает выраженной семой возрастной иерархии, тогда как испанский эквивалент нейтрален к возрасту.

Шестое положение методическое и касается сопоставления неродственных языков. У.К. Юсупов подчёркивал, что для корректного сравнения необходимо общее основание, независимое от каждого из сопоставляемых языков (Юсупов, 2007). Для ценностной лексики таким основанием может служить тематическая классификация ценностей, построенная на внеязыковых критериях, а не на структуре одного из словарей. Это особенно важно потому, что словари двух языков устроены по-разному: испанский академический словарь даёт развёрнутые этимологические пометы, узбекский толковый словарь указывает происхождение слова избирательно, а дефиниции в нём чаще строятся через синонимические ряды.

Седьмое положение касается типологических особенностей сопоставляемых языков, которые влияют на форму ценностной номинации. Испанский язык, как и другие романские языки, широко использует суффиксальное словообразование абстрактных имён: *-dad*, *-tad*, *-ía*, *-ancia*, *-ión*. В результате значительная часть испанских названий ценностей образована по нескольким продуктивным моделям и легко опознаётся как абстрактная лексика. Узбекский язык располагает продуктивным аффиксом *-lik*, который присоединяется и к тюркским, и к заимствованным основам (*erkinlik*, *döstlik*, *halollik*), но наряду с ним использует парные слова, где два близких по значению компонента образуют единое понятие. Парные слова вроде *or-nomus*, *mehr-oqibat*, *insof-diyonat*, *hurmat-izzat* представляют собой не просто стилистический приём: они лексикализуют связь между двумя сторонами ценности, которые в испанском языке выражены раздельно. Т.П. Кшешовский считал аксиологический параметр внутренним свойством семантической структуры (Krzeszowski, 1997); применительно к узбекскому материалу можно сказать, что парное слово делает этот параметр морфологически видимым, поскольку оба компонента несут положительную оценку и взаимно её усиливают.

Исходя из изложенного, мы понимаем общечеловеческие ценности как объект лингвокультурологического исследования в трёх проекциях. Тематическая проекция показывает, какие области жизни язык маркирует как ценностные. Этимологическая проекция показывает, из каких источников сформирован ценностный словарь. Коннотативная проекция показывает, какие культурные смыслы приращиваются к общему понятийному ядру. Первая проекция предположительно сближает языки, вторая и третья их разводят. Проверка этого предположения составляет содержание эмпирической части.

Материал и Методология исследования

Исследование выполнено как сопоставительное лексикографическое с элементами количественного анализа. Основной материал составили 64 ценностные лексемы, по 32 единицы в испанском и узбекском языках. Источниками для испанского языка послужили электронная версия словаря Испанской королевской академии (23-е издание с последующими обновлениями), для узбекского языка пятитомный толковый словарь узбекского языка и этимологические словари Ш. Рахматуллаева. В соответствии с требованиями издания словари не включены в список литературы и названы здесь как источники материала.

Отбор единиц производился по трём критериям. Во-первых, дефиниция слова должна содержать положительно оцениваемый ориентир поведения, отношения или состояния. Во-вторых, слово должно принадлежать общелитературному языку без помет ограниченного

употребления. В-третьих, выборки должны покрывать сопоставимый круг ценностей; для этого ориентиром служили перечни ценностей М. Рокича и Ш. Шварца (Rokeach, 1973; Schwartz, 2012), а также перечень базовых ценностей, приведённый в работе В. Б. Аманова (Аманов, 2021). Производные с явной прозрачностью (например, *honradez* при наличии *honra*) в выборку не включались, чтобы не удваивать одно понятие. Для узбекского языка в качестве единицы принималась основная лексема без парного компонента (*or*, *nomus* учитывались отдельно), поскольку парное слово является сочетанием двух лексем.

Каждая лексема кодировалась по двум признакам. Тематический признак определялся по доминирующей семе словарной дефиниции и относил слово к одной из пяти областей: честь и достоинство; религиозно-нравственные ценности; межличностные и семейные ценности; социально-гражданские ценности; эвдемонические ценности (благополучие, счастье). Классификация построена на внеязыковых основаниях и не воспроизводит рубрикацию ни одного из словарей. Этимологический признак фиксировал язык, к которому восходит корневая морфема. Для узбекского языка выделялись тюркская, арабская и персидская основы; гибридные образования с тюркским аффиксом *-lik* относились к пласту корня (*halollik* учитывалось как арабское, *döstlik* как персидское). Для испанского языка выделялись латинская основа (наследственная и книжная), германская основа и арабская основа. Слово *hidalguía*, образованное на испанской почве из сочетания со значением «сын кого-то», отнесено к латинской основе, поскольку все его компоненты латинского происхождения.

Процедуру кодирования поясним на двух примерах. Испанское *lealtad* по значению связано с верностью людям и обязательствам, доминирующая сема относится к отношениям между людьми, поэтому слово отнесено к межличностной области; этимологически оно восходит к латинскому *legalis*, что фиксируется пометой латинской основы. Узбекское *vijdon* обозначает внутреннее нравственное чувство, позволяющее человеку отличать добро от зла и судить свои поступки, поэтому оно отнесено к религиозно-нравственной области; корень восходит к арабскому языку. В спорных случаях, когда дефиниция содержала две семы разных областей, решение принималось по первому значению словарной статьи. Так, *respeto* и *hurmat*, имеющие и межличностную, и статусную составляющую, отнесены к области чести и достоинства, поскольку ведущим в их значении является почтительное признание достоинства или положения другого человека.

Узбекские примеры в статье даются в новой латинской графике узбекского языка. Испанские примеры приводятся в академической орфографии. Все языковые примеры выделены курсивом.

Вторым источником данных стали опубликованные результаты ассоциативного эксперимента В.Б. Аманова, проведённого с испанскими и узбекскими респондентами (более 200 участников в возрасте от 19 до 69 лет, часть исследования проводилась в Вальядолиде). Автор приводит числовые показатели для шести ценностей, признанных высшими в обеих культурах: семья, родина (патриотизм), труд, толерантность, дружба, гостеприимство (Аманов, 2021; 97). Мы использовали эти показатели для вторичного анализа: вычислили доли каждой ценности в сумме показателей по каждому языку и ранги, а затем коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Поскольку в публикации числа представлены на диаграммах без явного указания единиц, мы интерпретируем их как сопоставимые частотные показатели и

не делаем выводов об абсолютных величинах.

Третий, вспомогательный пласт материала составили общеизвестные пословицы и крылатые выражения обоих языков. Они использовались исключительно для иллюстрации коннотативной проекции и в подсчётах не участвовали.

Статистическая обработка включала три процедуры. Различие этимологической стратификации проверялось точным критерием Фишера для таблицы 2 × 2 (исконная основа и иные основы в двух языках). Различие тематического распределения проверялось критерием хи-квадрат Пирсона для таблицы 2 × 4; эвдемоническая область, представленная в каждом языке одной лексемой, была объединена с социально-гражданской, чтобы ожидаемые частоты не опускались ниже допустимого порога. Согласованность рангов в ассоциативных данных оценивалась коэффициентом Спирмена. Расчёты выполнены в среде Python с использованием библиотеки SciPy (версия 1.18); уровень значимости принят равным 0,05.

Методологически работа опирается на сопоставительный метод в понимании ташкентской школы (Юсупов, 2007), на компонентный анализ дефиниций, на этимологический анализ и на лингвокультурологический комментарий в духе культурной лингвистики (Sharifian, 2017). Общим основанием сравнения служит внеязыковая тематическая классификация ценностей.

Результаты исследования

Тематическая структура ценностной лексики

Распределение лексем по тематическим областям представлено в таблице 1 и на рисунке 1. В обоих языках наиболее многочисленна область религиозно-нравственных ценностей: 10 узбекских и 11 испанских единиц. Далее в узбекском языке следуют межличностные и семейные ценности (9 единиц), а в испанском область чести и достоинства (8 единиц). Социально-гражданские ценности представлены 6 и 5 единицами соответственно, эвдемоническая область в каждом языке исчерпывается одной лексемой (*baxt* и *felicidad*).

Тематическая область	Узб., n	Узб., %	Исп., n	Исп., %
Честь и достоинство	6	18,8	8	25,0
Религиозно-нравственные ценности	10	31,3	11	34,4
Межличностные и семейные ценности	9	28,1	7	21,9
Социально-гражданские ценности	6	18,8	5	15,6
Эвдемонические ценности	1	3,1	1	3,1
Итого	32	100	32	100

Таблица 1. *Распределение ценностной лексики по тематическим областям*

Примечание. *Хи-квадрат = 0,66; число степеней свободы 3; p = 0,88 (эвдемоническая область объединена с социально-гражданской).*

Расхождения между языками невелики и сводятся к перераспределению двух-трёх единиц между соседними областями. Критерий хи-квадрат не выявил значимого различия (хи-квадрат = 0,66; число степеней свободы 3; p = 0,88). Иными словами, тематическая архитектура ценностной лексики в двух неродственных языках оказывается практически одинаковой. Этот результат согласуется с представлением

психологов об универсальности базового набора ценностей (Rokeach, 1973; Schwartz, 1992) и подтверждает первую из наших гипотез.

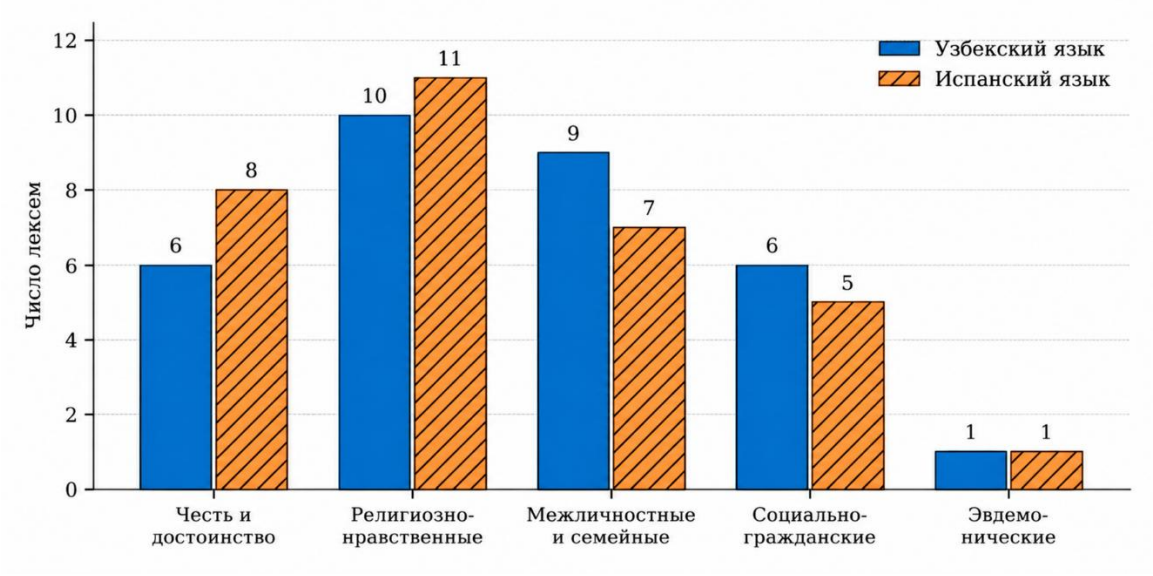

Рисунок 1. *Распределение ценностной лексики испанского и узбекского языков по тематическим областям*

Состав каждой области приведён в таблице 2. Уже беглый взгляд на неё показывает, что за сходными числами стоят разные слова, и в первую очередь слова разного происхождения.

Область	Узбекский язык	Испанский язык
Честь и достоинство	*hurmat* (а), *izzat* (а), *or* (а), *nomus* (а), *şaraf* (а), *qadr* (а)	*honor*, *honra*, *respeto*, *dignidad*, *nobleza*, *hidalguía*, *orgullo* (г), *hazaña* (ар)
Религиозно-нравственные	*iymon* (а), *insof* (а), *vijdon* (а), *sabr* (а), *halollik* (а), *rahm* (а), *saxovat* (а), *yaxşilik* (т), *ezgulik* (т), *töğrilik* (т)	*fe*, *esperanza*, *caridad*, *piedad*, *compasión*, *humildad*, *bondad*, *verdad*, *honestidad*, *gratitud*, *generosidad*
Межличностные и семейные	*oila* (а), *muhabbat* (а), *sadoqat* (а), *döstlik* (п), *mehr* (п), *mehmondöstlik* (п), *sevgi* (т), *işonç* (т), *bağrikenglik* (т)	*familia*, *amistad*, *amor*, *lealtad*, *fidelidad*, *hospitalidad*, *tolerancia*
Социально-гражданские	*adolat* (а), *vatan* (а), *mehnat* (а), *ozodlik* (п), *erkinlik* (т), *tinçlik* (т)	*libertad*, *justicia*, *paz*, *patria*, *trabajo*
Эвдемонические	*baxt* (п)	*felicidad*

Таблица 2. *Состав ценностной лексики по тематическим областям*

Примечание. *Пометы происхождения корня: (а) арабское, (п) персидское, (т) тюркское, (г) германское, (ар) арабское в испанском языке; испанские лексемы без пометы имеют латинскую основу.*

Этимологическая стратификация

Этимологические данные сведены в таблицу 3. В испанской выборке 30 из 32 лексем (93,8 %) имеют латинскую основу, и лишь по одной единице восходят к германскому (*orgullo*, через каталанское посредство) и к арабскому (*hazaña*) источникам. В узбекской выборке картина противоположная: исконную тюркскую основу имеют 8 лексем (25 %), тогда как 19 (59,4 %) восходят к арабским и 5 (15,6 %) к персидским основам. Различие высоко значимо (точный критерий Фишера, $p < 0,001$).

Пласт (основа корня)	Узб., n	Узб., %	Исп., n	Исп., %
Исконная (тюркская или латинская)	8	25,0	30	93,8
Арабская	19	59,4	1	3,1
Персидская	5	15,6	0	0
Германская	0	0	1	3,1
Итого	32	100	32	100

Таблица 3. *Этимологическая стратификация ценностной лексики*

Примечание. *Точный критерий Фишера для соотношения исконных и иных основ: $p < 0,001$.*

Важно правильно прочитать эту асимметрию. Латинский пласт испанского языка неоднороден: в нём есть наследственные слова, прошедшие все фонетические изменения (*honra*, *trabajo*, *amistad*), и книжные латинизмы (*dignidad*, *tolerancia*, *hospitalidad*). Строго говоря, книжные латинизмы также являются заимствованиями, только из языка-предка. Тем не менее источник у испанской ценностной лексики один, и это источник, генетически связанный с самим языком. Узбекская ценностная лексика, напротив, сформирована тремя источниками, причём основной из них, арабский, генетически чужд тюркскому языку и пришёл вместе с исламской религиозно-правовой и этической традицией.

Распределение по тематическим областям уточняет эту картину. Все шесть узбекских лексем области чести и достоинства (*hurmat*, *izzat*, *or*, *nomus*, *şaraf*, *qadr*) арабского происхождения. Из десяти религиозно-нравственных лексем арабскими являются семь (*iymon*, *insof*, *vijdon*, *sabr*, *halollik*, *rahm*, *saxovat*), а тюркскими три (*yaxşilik*, *ezgulik*, *tögrilik*). Персидский пласт сосредоточен в межличностной области (*döstlik*, *mehr*, *mehmondöstlik*) и в эвдемонической (*baxt*). Тюркские основы преобладают там, где ценность обозначает простое состояние или качество: *tinçlik* «мир, покой», *erkinlik* «свобода», *sevgi* «любовь», *işonç* «доверие», *bağrikenglik* «терпимость» (буквально «широта груди»). Можно сказать, что тюркский пласт отвечает за повседневно-бытовой слой ценностей, арабский за нормативно-религиозный, персидский за слой душевной привязанности и гостеприимства.

Языковые иллюстрации коннотативной проекции

Этимологические различия не остаются формальностью, они отражаются во внутренней форме и культурной коннотации слов. Рассмотрим несколько пар.

Труд. Испанское *trabajo* восходит к народнолатинскому глаголу, связанному с названием орудия пытки, и первоначально означало мучение. Узбекское *mehnat* восходит к арабскому слову со значением «испытание, тяготы». Перед нами редкий

случай конвергенции: в двух неродственных языках слово, ставшее названием одной из высших ценностей, исторически обозначало страдание. Культурные траектории при этом различаются. В испанском языке исходная сема почти не ощущается, тогда как в узбекском ценность труда получила устойчивую поддержку в паремиях, где тягота оправдывается будущим благом (*Mehnatning tagi — rohat* «Под трудом лежит отдохновение»).

Честь. Испанский язык располагает двумя словами, *honor* и *honra*, и споры о различии между ними продолжаются с XVII века. По одной трактовке, *honor* обозначает внутреннее чувство, а *honra* его внешнее проявление и общественную оценку; другие авторы предлагают обратное соотношение, а писатели Золотого века нередко употребляли слова как синонимы (Maiza Ozcoidi, 1995). Эта двойственность хорошо соотносится с разграничением Дж. Питт-Риверса между честью как чувством и честью как признанным статусом (Pitt-Rivers 1966). В узбекском языке аналогичную функцию выполняет парное слово *or-nomus*: компонент *or* связан со стыдом и внутренним чувством недопустимого, компонент *nomus* с репутацией, прежде всего семейной. Оба компонента арабского происхождения. Таким образом, обе культуры членят понятие чести на внутреннюю и социальную стороны, но испанский язык делает это двумя самостоятельными лексемами, а узбекский соединяет их в одно парное слово, тем самым подчёркивая их неразрывность.

Уважение. Испанское *respeto* (от латинского *respectus* «оглядывание, внимание») в современном употреблении симметрично: уважения ожидают от равного, от подчинённого, от старшего. Узбекское *hurmat* устойчиво сочетается с указанием на возраст и статус и образует пару с *izzat*. Пословица *Kattağa hurmatda, kiçikka izzatda böl* «Старшему оказывай уважение, младшему почтение» прямо распределяет два вида отношения по возрастной оси. В нашей выборке испанский язык не дал паремии, в которой уважение было бы так же жёстко привязано к старшинству; ближе всего к этой теме стоит выражение *Más sabe el diablo por viejo que por diablo*, но оно ценит опыт, а не иерархию. Это соответствует наблюдениям В. Б. Аманова, отметившего у узбекских респондентов ассоциации «уважение к старшим» и «почтение к младшим» как самостоятельные ценности (Аманов, 2021).

Гостеприимство. Испанское *hospitalidad* представляет собой книжный латинизм, лишённый прозрачной внутренней формы для современного носителя. Узбекское *mehmondöstlik* прозрачно: «любовь к гостю», от персидских *mehmon* «гость» и *döst* «друг». Пословица *Mehmon otangdan uluğ* «Гость выше твоего отца» ставит гостя над главой семьи. В ассоциативных данных В.Б. Аманова гостеприимство входит в число высших ценностей в обоих языках, но у узбекских респондентов его показатель выше (40 против 35; таблица 4).

Родина. Испанское *patria* по внутренней форме связано с отцом («земля отцов»), а узбекское *vatan* (из арабского) такой связи не имеет. Узбекская паремиология тем не менее компенсирует отсутствие внутренней формы материнским образом: *Ona yurting – oltin beşiging* «Родной край – твоя золотая колыбель». М. Туйчиева, анализировавшая концепт «родина» на паремиологическом материале двух языков, также отмечает семейные метафоры в обоих языках (Tuychieva, 2024). Различие в том, что испанский язык закрепляет отцовский образ в самом слове, а узбекский материнский образ во фразеологии.

Семья. Латинское *familia* первоначально обозначало домочадцев, включая слуг, а узбекское *oila* восходит к арабскому слову с общим значением «семейство, домочадцы». При сходном

исходном объёме современное употребление разошлось. По данным ассоциативного эксперимента, в узбекском сознании семья включает широкий круг родственников и соседей, а в испанском воспринимается уже (Аманов, 2021; 100). Аналогичное соотношение обнаруживается в сопоставлении испанского и русского концепта «семья» (Гайченя, 2018). Структурное подтверждение даёт система терминов родства: узбекские термины дальнего родства образуются сочетаниями слов, тогда как испанские и русские приставками и суффиксами (Qulmamatov, Saidxodjayeva, 2024).

Свобода. Испанскому *libertad* в узбекском языке соответствуют два слова разного происхождения: тюркское *erkinlik* и персидское *ozodlik*. Их употребление различается. *Erkinlik* тяготеет к личной свободе, свободе выбора и действия, тогда как *ozodlik* чаще связывается с освобождением от внешней зависимости и с национальной независимостью. Испанский язык передаёт обе стороны одним словом, уточняя смысл контекстом или атрибутом. Это пример того, как многопластовость словаря порождает в узбекском языке синонимию, которая затем используется для смыслового разграничения.

Любовь. Ещё нагляднее синонимия трёх пластов в обозначениях любви. Арабское *muhabbat* относится к возвышенному, книжному регистру и часто употребляется в поэтической и религиозной традиции, тюркское *sevgi* нейтрально и разговорно, персидское *mehr* обозначает скорее тёплую заботу, участливую привязанность и закономерно входит в парное слово *mehr-oqibat* «доброта и забота о близких». Испанский язык в нашей выборке представлен одним словом *amor*, семантически предельно широким; дифференциация достигается здесь не за счёт разных корней, а за счёт контекста и производных. Сопоставление показывает, что ценность любви признаётся в обеих культурах высшей, но узбекский язык располагает более дробной сеткой для её номинации, и эта сетка отражает историю культурных контактов.

Справедливость. Испанское *justicia* и узбекское *adolat* совпадают в правовом и общественном значении и оба являются заимствованиями из языков высокой культуры, латыни и арабского соответственно. Однако узбекский язык располагает словом *insof*, которое обозначает справедливость в личном поведении, меру в отношениях с людьми, и близко к совести. Прямого однословного соответствия *insof* в испанской выборке нет; в переводе оно передаётся описательно или через *conciencia*, *equidad*, *sentido de la justicia*. Подобные лакуны и представляют собой наиболее ценный материал для лингвокультурологического комментария.

Терпение. Лексема *sabr* в узбекском языке входит в ядро религиозно-нравственной области, и в ассоциативном эксперименте она названа узбекскими респондентами среди национально специфичных ассоциатов (Аманов, 2021; 98). Испанское *paciencia* существует и словарно квалифицируется как добродетель, однако в ассоциативных данных испанских респондентов оно не выделено, и в нашу выборку по этой причине не вошло. Асимметрия здесь касается не словаря, а иерархии: одна и та же ценность в одной культуре занимает ядерную позицию, а в другой остаётся периферийной.

Религиозно-нравственная область. Здесь различие пластов наиболее наглядно. Испанская триада *fe*, *esperanza*, *caridad* воспроизводит христианскую доктрину богословских добродетелей и пришла в язык через церковную латынь; рядом стоят *piedad*, *humildad*, *compasión*. Узбекские *iymon*, *sabr*, *insof*, *vijdon*, *saxovat* пришли через арабский язык исламской этики. Общим остаётся то, что в обеих культурах религиозно-нравственная область численно

доминирует (таблица 1), а это значит, что ценностная картина мира в обоих случаях исторически опиралась на религиозную систему, хотя и на разные.

Арабский пласт как точка соприкосновения. Испанская выборка содержит одно арабское слово, *hazaña*, восходящее к арабскому *ḥasana* «доброе дело» и сместившееся к значению «подвиг». Для узбекского языка арабский пласт является основным. Таким образом, обе ценностные системы соприкасаются через арабский язык, но с разной интенсивностью: для испанского это следы средневекового контакта, для узбекского фундамент религиозно-этического словаря. Эти наблюдения дополняют работу Д. Бахроновой, исследовавшей общие арабизмы двух языков на другом лексическом материале (Baxronova, 2023).

Паремиологические параллели, иллюстрирующие сходство общечеловеческого ядра при различии образной формы, сведены в таблицу 5.

Ценность	Испанская паремия	Узбекская паремия	Комментарий
Бескорыстное добро	*Haz bien y no mires a quién*	*Yaxşilik qil, suvğa sol, baliq bilar, baliq bilmasa – Xoliq bilar*	Общая идея добра без расчёта; в узбекской паремии свидетелем добра выступает Творец
Дружба	*Quien tiene un amigo tiene un tesoro*	*Döstsiz boşim – tuzsiz oşim*	Друг как богатство и как необходимая «соль» жизни
Взаимность и благодарность	*Hoy por ti, mañana por mí*	*Bir kun tuz içgan joyinga qirq kun salom ber*	Испанская паремия задаёт симметричный обмен, узбекская долг благодарности за гостеприимство
Отношение к старшим	*Más sabe el diablo por viejo que por diablo*	*Kattağa hurmatda, kiçikka izzatda böl*	Испанская паремия ценит опыт, узбекская задаёт иерархию отношений

Таблица 5. *Паремиологические параллели в выражении общечеловеческих ценностей*

Вторичный анализ ассоциативных данных

Результаты пересчёта данных В.Б. Аманова приведены в таблице 4. В испанской группе первое место занимает родина (патриотизм), в узбекской семья. Гостеприимство в обеих группах стоит на втором месте, труд на четвёртом. Дружба и толерантность замыкают ряд в обеих группах, меняясь местами. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена составил 0,71. При шести наблюдениях это значение не достигает порога значимости ($p = 0,11$), поэтому мы говорим об умеренной согласованности как о тенденции, а не о доказанной закономерности.

Ценность	Исп., показатель	Исп., %	Исп., ранг	Узб., показатель	Узб., %	Узб., ранг
Родина (*patriotismo*, *vatanparvarlik*)	44	23,9	1	36	18,0	3
Гостеприимство (*hospitalidad*, *mehmondöstlik*)	35	19,0	2	40	20,0	2
Семья (*familia*, *oila*)	32	17,4	3	45	22,5	1
Труд (*trabajo*, *mehnat*)	26	14,1	4	30	15,0	4
Дружба (*amistad*, *döstlik*)	24	13,0	5	24	12,0	6
Толерантность (*tolerancia*, *bağrikenglik*)	23	12,5	6	25	12,5	5
Итого	184	100		200	100	

Таблица 4. *Высшие ценности в ассоциативных данных испанских и узбекских респондентов*

Примечание. *Составлено по данным диаграмм в работе (Аманов 2021: 97); доли и ранги рассчитаны автором. Коэффициент Спирмена 0,71; p = 0,11.*

Доли ценностей в двух группах близки: различие не превышает 6 процентных пунктов ни по одной позиции, а для толерантности доли совпадают (12,5 %). Наибольшие расхождения касаются семьи (17,4 % в испанской группе и 22,5 % в узбекской) и родины (23,9 % и 18,0 %). Эти расхождения согласуются с качественными выводами автора эксперимента о более широком понимании семьи в узбекской культуре (Аманов, 2021).

Обобщение результатов

Полученные данные позволяют сформулировать три результата. Тематическая структура ценностной лексики двух языков совпадает: статистически значимых различий нет. Этимологическая стратификация расходится принципиально: испанская ценностная лексика однородна по источнику, узбекская трёхслойна с доминированием арабского пласта. Ассоциативные данные демонстрируют умеренную согласованность иерархии шести высших ценностей при различии лидирующей позиции.

Обсуждение результатов

Главный вывод исследования можно сформулировать так: общечеловеческое и национальное в ценностной лексике располагаются на разных уровнях языковой системы. Общечеловеческое проявляется в тематической архитектуре, то есть в том, какие области жизни язык маркирует как ценностные и в каком соотношении. Национальное проявляется в этимологических пластах, во внутренней форме и в культурной коннотации. Этот вывод уточняет традиционную формулу «ценности общие, способы выражения различны», поскольку указывает, какие именно способы выражения различаются и как это различие измерить.

Полученный результат хорошо согласуется с разграничением ценностных констант и ценностных переменных, предложенным О.В. Ломакиной (Ломакина, 2025). Тематическая архитектура ведёт себя как константа: она устойчива при переходе от одного языка к другому. Этимологический состав и коннотация ведут

себя как переменные. Лексемы вроде *hurmat* и *respeto* можно рассматривать как поликультурные маркеры одной ценности, каждый из которых несёт свой набор культурных приращений.

С позиций теории Ш. Шварца наши данные интерпретируются следующим образом. Совпадение тематических областей ожидаемо, поскольку базовые мотивационные типы универсальны, а их число ограничено (Schwartz, 1992; Schwartz et al., 2012). Различия в лидирующих позициях ассоциативного ряда (родина в испанской группе, семья в узбекской) отражают не разный набор ценностей, а разную их иерархию, что прямо предсказывается теорией. Привязка уважения к возрасту в узбекском языке соответствует большему весу ценностей традиции и конформности, а также более высокой дистанции власти в терминах Г. Хофстеде (2011). Подчеркнём, что эта интерпретация гипотетична: мы не располагаем собственными психометрическими данными по испанским и узбекским выборкам.

Позиция А. Вежбицкой о непереводимости ключевых слов (Wierzbicka, 1997) в свете наших данных требует уточнения. Пары *honra* и *or-nomus*, *hospitalidad* и *mehmondöstlik*, *trabajo* и *mehnat* действительно не тождественны. Однако их нетождественность не носит характера понятийного разрыва: ядро значения совпадает, различие касается внутренней формы, объёма и коннотации. Случай *trabajo* и *mehnat*, где неродственные языки независимо пришли к обозначению труда через идею страдания, показывает, что даже внутренняя форма может совпадать, если за ней стоит общий человеческий опыт.

Этимологический результат имеет самостоятельное лингвокультурологическое значение. Он показывает, что ценностная картина мира не формируется одномоментно, а наслаивается, и каждый пласт связан с определённой исторической эпохой и культурным каналом. Это соответствует тезису Ф. Шарифиана о распределённом и исторически наслоённом характере культурных концептуализаций (Sharifian, 2017) и тезису Е. Бартминьского о ценностях как фундаменте языковой картины мира (Bartmiński ,2009). Для узбекского языка тюркский, персидский и арабский пласты распределены по тематическим областям неравномерно, и это распределение может служить материалом для реконструкции истории ценностных представлений.

Наши результаты согласуются с данными предшественников и дополняют их. В.Б. Аманов выявил совпадение высших ценностей в испанской и узбекской группах и национально специфичные ассоциаты (Аманов, 2021). Мы получили сходный вывод на независимом, лексикографическом материале и дополнили его количественной проверкой. Работа Д.С. Кулмаматова и М.Р. Саидходжаевой показала, что термины родства совпадают по значению и расходятся по способу образования (Qulmamatov, Saidxodjayeva, 2024); наш результат воспроизводит ту же закономерность на ценностной лексике. Описание ценностного пространства как мягкой иерархии с ядерными диадами (Казаченко, 2024) находит параллель в узбекских парных словах вроде *or-nomus* и *hurmat-izzat*, которые можно рассматривать как лексикализованные ценностные диады. Наконец, наблюдения Н.Г. Мед об оценочной насыщенности испанской разговорной фразеологии (Мед, 2007) и В.Н. Телия о культурной коннотации фразеологизмов (Телия, 1996) подтверждаются тем, что коннотативные различия в нашем материале лучше всего видны именно на паремиях.

Гипотезы исследования проверены следующим образом. Первая гипотеза о совпадении тематической структуры

подтверждена. Вторая гипотеза о различии этимологической стратификации подтверждена с высокой степенью значимости. Третья гипотеза о положительной согласованности ассоциативных иерархий подтверждена частично: коэффициент положителен и умерен, но при шести наблюдениях не достигает значимости.

Результаты имеют и практическую сторону. Для переводчика они означают, что ценностную лексику нельзя переводить по словарному соответствию, не учитывая этимологической и коннотативной проекции. Перевод *mehmondöstlik* как *hospitalidad* формально корректен, но утрачивает прозрачную внутреннюю форму «любовь к гостю», которую в художественном тексте приходится компенсировать описательно. Перевод *or-nomus* одним словом *honor* или *honra* неизбежно утрачивает одну из двух сторон понятия. Обратное направление создаёт свои трудности: испанскую оппозицию *honor* и *honra* невозможно передать двумя узбекскими словами без потери, поскольку узбекский язык мыслит эти стороны как единство.

Для преподавателя испанского языка в узбекоязычной аудитории полученная модель задаёт порядок работы с ценностной лексикой. Сначала целесообразно показать совпадение тематической структуры, что снимает у студентов ощущение культурной чужеродности. Затем нужно обратить внимание на внутреннюю форму и этимологию, в том числе на неожиданные совпадения вроде *trabajo* и *mehnat*. Наконец, на материале паремий следует разобрать коннотативные различия, особенно в областях уважения и чести, где риск межкультурного недопонимания наиболее высок. Такая последовательность соответствует общему принципу сопоставительной методики, согласно которому сходство служит опорой для осознания различий (Юсупов, 2007).

Наконец, стоит отметить типологическое следствие этимологической многопластовости. Узбекский язык, получив ценностные понятия из трёх источников, располагает синонимическими рядами, компоненты которых различаются регистром и оттенками (*muhabbat*, *sevgi*, *mehr*; *ozodlik*, *erkinlik*). Испанский язык при однородном латинском источнике компенсирует отсутствие такой синонимии противопоставлением наследственных и книжных слов (*honra* и *honor* восходят к одному латинскому корню, но пришли в язык разными путями). В обоих случаях история языка превращается в ресурс смыслового различения, но механизм этого превращения различен.

Необходимо указать границы исследования. Выборка из 32 лексем на язык сформирована исследователем по заявленным критериям и не является исчерпывающей; другой исследователь мог бы включить иные единицы. Тематическое кодирование производилось одним исследователем без проверки межэкспертной согласованности. Латинский пласт испанского языка объединяет наследственные слова и книжные латинизмы, что делает сравнение с узбекскими заимствованиями асимметричным. Ассоциативные данные взяты из опубликованной диаграммы и не сопровождаются в первоисточнике явным указанием единиц, а число сравниваемых позиций мало. Паремии использованы как иллюстрации, а не как выборка.

Следует учитывать и плюрицентричность испанского языка. Академический словарь отражает общеиспанскую норму с заметной опорой на пиренейский узус, тогда как в латиноамериканских вариантах ценностная лексика может иметь иные коннотации и частотность. Наши выводы относятся прежде всего к пиренейскому варианту, а для латиноамериканского материала требуют отдельной проверки. Аналогичное

замечание касается узбекского языка, где региональные различия в употреблении парных ценностных слов также возможны.

Перспективы исследования вытекают из перечисленных ограничений. Целесообразно расширить выборку и провести кодирование несколькими независимыми экспертами с расчётом коэффициента согласия. Корпусные данные (испанские корпусы Королевской академии и национальный корпус узбекского языка) позволят измерить частотность и сочетаемость ценностных лексем и проверить, насколько словарная структура соответствует узусу. Новый ассоциативный эксперимент с идентичной процедурой для обеих групп даст возможность получить первичные данные. Отдельного внимания заслуживает исследование узбекских парных ценностных слов как особого типа номинации, не имеющего прямого аналога в испанском языке. Практическое приложение результатов видится в создании учебного сопоставительного словаря ценностной лексики для студентов-испанистов в Узбекистане.

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что общечеловеческие ценности являются полноценным объектом лингвокультурологического анализа при условии, что исследователь задаёт наблюдаемую единицу и внеязыковое основание сравнения. В качестве такой единицы предложена ценностная лексема, в качестве основания тематическая классификация ценностей, не зависящая от структуры словарей сопоставляемых языков.

Ответ на вопрос о том, где проходит граница между универсальным и национальным, получен в количественной форме. Тематическая архитектура ценностной лексики испанского и узбекского языков совпадает: на материале 64 лексем статистически значимых различий не обнаружено. Национальная специфика сосредоточена в этимологических пластах и коннотации. Испанская ценностная лексика почти целиком восходит к латинской основе, узбекская сложилась из тюркского, арабского и персидского пластов, причём арабский пласт доминирует в областях чести и религиозной нравственности.

Сопоставление конкретных пар показало, что различия касаются способа членения понятия, а не самого понятия. Испанский язык разделяет внутреннюю и социальную стороны чести между двумя словами, узбекский соединяет их в парном слове; испанское уважение симметрично, узбекское распределено по возрастной оси; испанская родина связана с образом отца во внутренней форме слова, узбекская с образом матери во фразеологии. Одновременно выявлена неожиданная конвергенция: в обоих языках слово со значением «труд» исторически восходит к идее страдания.

Вторичный анализ опубликованных ассоциативных данных показал умеренную согласованность иерархии шести высших ценностей при различии лидирующей позиции: семья в узбекской группе, родина в испанской.

Предложенная трёхпроекционная модель (тематическая, этимологическая, коннотативная проекции) может применяться при сопоставлении ценностной лексики других языковых пар, в практике перевода и в преподавании испанского языка узбекоязычным студентам, где она помогает объяснить, почему формально эквивалентные слова требуют культурного комментария.

References:

1. Арутюнова, Н. Д. (1998). *Язык и мир человека*. Языки русской культуры.

2. Воробьёв, В. В. (1997). *Лингвокультурология (теория и методы)*. Изд-во Российского университета дружбы народов.
3. Гайченя, А. А. (2018). Концепт «Семья» в русской и испанской языковых картинах мира. Лингвокультурологический анализ. *Язык и текст, 5*(4), 68-77.
4. Казаченко, О. В. (2024). Система ценностей русского образа мира в психолингвистическом аспекте (по результатам свободного ассоциативного эксперимента). *Филологические науки. Вопросы теории и практики, 17*(5). https://doi.org/10.30853/phil20240209
5. Карасик, В. И. (2002). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Перемена.
6. Карасик, В. И. (2015). *Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы*. Парадигма.
7. Ломакина, О. В. (2025). Метаязык современной лингвоаксиологии: паремиологический уровень. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 16*(3), 622-637. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-622-637
8. Маслова, В. А. (2001). *Лингвокультурология*. Академия.
9. Мед, Н. Г. (2007). *Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи)*. Изд-во Санкт-Петербургского университета.
10. Степанов, Ю. С. (1997). *Константы: словарь русской культуры*. Языки русской культуры.
11. Телия, В. Н. (1996). *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Языки русской культуры.
12. Юсупов, У. К. (2007). *Теоретические основы сопоставительной лингвистики*. Фан.
13. Bartmiński, J. (2009). *Aspects of cognitive ethnolinguistics* (J. Zinken, Ed.). Equinox.
14. Hofstede, G. (2011). Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. *Online Readings in Psychology and Culture, 2*(1). https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014
15. Krzeszowski, T. P. (1997). *Angels and devils in hell: Elements of axiology in semantics*. Energeia.
16. Pitt-Rivers, J. (1966). Honour and social status. In J. G. Peristiany (Ed.), *Honour and shame: The values of Mediterranean society*. 19-77. University of Chicago Press.
17. Rokeach, M. (1973). *The nature of human values*. Free Press.
18. Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology, 25*, 1-65. https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6
19. Schwartz, S. H. (2012). An overview of the Schwartz theory of basic values. *Online Readings in Psychology and Culture, 2*(1). https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116
20. Schwartz, S. H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., Ramos, A., Verkasalo, M., Lönnqvist, J.-E., Demirutku, K., Dirilen-Gumus, O., & Konty, M. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology, 103*(4), 663-688. https://doi.org/10.1037/a0029393
21. Sharifian, F. (2011). *Cultural conceptualisations and language: Theoretical framework and applications*. John Benjamins. https://doi.org/10.1075/clscc.1
22. Sharifian, F. (2017). *Cultural linguistics: Cultural conceptualisations and language*. John Benjamins. https://doi.org/10.1075/clscc.8
23. Tuychieva, M. (2024). Discursive features of the expression of the concept of "homeland" in Spanish and Uzbek languages (based on aphorisms and proverbs). *Foreign Linguistics and Linguodidactics, Special Issue 1*, 336-342. https://doi.org/10.47689/2181-3701-vol2-iss1/S-pp336-342

24. Wierzbicka, A. (1997). *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford University Press.
25. Maiza Ozcoidi, C. (1995). La definición del concepto del honor. Su entidad como objeto de investigación histórica. *Espacio, Tiempo y Forma. Serie IV, Historia Moderna, 8*, 191–209.
26. Аманов, В. Б. (2021). Умуминсоний қадриятларнинг лисоний табиати. *Ўзбекистонда хорижий миллар*, (6), 85-103. https://doi.org/10.36078/1643727276
27. Baxronova, D. (2023). O‘zbek va ispan tillariga o‘zlashgan arabizmlarning lingvistik-etimologik xususiyatlari. *O‘zbekistonda xorijiy tillar*, (1), 65-75. https://doi.org/10.36078/1678951407
28. Mahmudov, N. (2015). Olamning lisoniy manzarasi va so‘z o‘zlashtirish. *O‘zbek tili va adabiyoti*, (3), 3-12.
29. Qulmamatov, D. S., & Saidxodjayeva, M. R. (2024). O‘zbek, rus va ispan adabiy tillari matnlarida qon-qarindoshlik terminlarining qo‘llanilish xususiyatlari. *O‘zbekistonda xorijiy tillar, 10*(3), 79-94. https://doi.org/10.36078/1720531848
30. Usmanova, Sh. (2022). *Lingvomadaniyatshunoslik*. Bookmany Print.